

**Полное собрание сочинений
К. М. Станиюковича**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П51

П51 Полное собрание сочинений К. М. Станиюковича: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 670 с.

ISBN 978-5-518-01768-9

ISBN 978-5-518-01768-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СТАНЮКОВИЧЪ.

(Биографическій очеркъ).

Военная жизнь давно уже имѣла въ нашей литературѣ своихъ бытописателей, и крупныхъ, и мелкихъ, изображавшихъ ее съ разныхъ сторонъ и давшихъ о ней полное понятіе. Стоить вспомнить рассказы Бестужева-Марлинскаго, воспѣвавшего воинскія доблести, очерки боевой жизни графа Льва Толстого, взглянуvшаго совершенно уже трезвыми глазами на эту жизнь, и, наконецъ, очерки военного быта Афанасьева-Чужбинскаго, — въ которыхъ онъ посвятилъ наше общество во все подробности военной жизни, въ мирное время, — чтобы убѣдиться, что жизнь нашего сухопутнаго война была почти вполне исчерпана нашими писателями. Но того уголка общественной жизни, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ моряки, со всеми особенностями его своеобразнаго быта, съ его оригинальными нравами, понятіями, съ интереснѣйшими типами его представителей, въ нашей «изящной словесности» долго нѣкто не касался. По крайней мѣрѣ со времени появленія «Фрегата Надежды» и «Лейтенанта Бѣлзора» того же Марлинскаго у насъ ничего не было изъ морского быта. Появлялись только, и въ большихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, и отдѣльно, отрывочныя, словно мимоходомъ сдѣланныя, изображенія жизни моряковъ, дававшія мало понятія о ней, о людяхъ, населяющихъ корабль. Пополнить такой важный пробѣлъ въ русской литературѣ суждено было одному изъ талантливыхъ нашихъ беллетристовъ-публицистовъ — Станюковичу, который впервые ввелъ русскаго читателя въ неизвѣстный ему дотошъ мірокъ, далъ полную мастерскую картину корабельнаго быта, съ яркими, разнообразными фигурами моряковъ. Станюковичъ первый попытался сдѣлать для моряковъ нѣчто подобное тому, что давно сдѣлалъ относительно военнаго

быта «великій писатель земли русской», по слѣдамъ котораго пошли уже и другіе многочисленныя беллетристы. Станюковичъ, подобно графу Льву Толстому, сказалъ *новое* слово въ области, избранной имъ для своихъ повѣствованій. Онъ изучилъ въ совершенствѣ ту среду, въ которой вращался съ молодыхъ лѣтъ, глубоко вдумался въ ея явленія и съумѣлъ настолько живо, во всѣхъ подробностяхъ воспроизвести ся быть, что его «Морскіе рассказы» получили вѣсъ и значеніе въ литературѣ и приобрѣли обширный кругъ читателей.

Существовалъ старый литовскій родъ Станюковичей герба Вадвичъ. Представитель его, Дмитрій Степановичъ Станюковичъ вступилъ въ русское подданство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1656 году, послѣ взятія Смоленска. Отъ него и пошла фамилія смоленскихъ дворянъ Станюковичей. Его праправнукъ Михайлъ Николаевичъ Станюковичъ служилъ во флотѣ и былъ командиромъ севастопольскаго порта и севастопольскимъ военнымъ губернаторомъ, состоя въ чинѣ вице-адмирала. Еще будучи бригаднымъ командиромъ 5-й флотской дивизіи, 2-й бригады, онъ женился на Любови Федотовнѣ Митьковой, уроженкѣ юга, также дочери моряка; отъ брака ихъ и родился Константинъ Михайловичъ Станюковичъ, въ Севастополѣ, 13-го марта 1843 года. Эта дата находится въ метрическомъ свидѣтельствѣ писателя, тогда какъ въ послужномъ спискѣ мичмана Станюковича значится 17-е марта 1844 года. Отецъ Константина Михайловича представлялъ собою характерный типъ «морского волка», моряка стараго закала, до щепетильности честнаго, но суроваго, необычайно требовательнаго по службѣ, наказывавшаго матросовъ за малѣйшую провинность безпощадно. Въ страхѣ и чуть не въ рабскомъ повиновеніи держалъ онъ и семью свою. Это былъ человекъ желѣзной воли, жестокій, непреклонный, не задумывавшійся ни надъ чѣмъ при проявленіи своей власти. Словомъ— «грозный адмиралъ», котораго за жестокость матросы называли «генераломъ-арестантомъ». Но они знали, что этотъ страшный начальникъ вѣчно заботился о томъ, чтобы они были сыты, тепло и чисто одѣты, имѣли отдыхъ и досугъ и могли что-нибудь заработать внѣ службы. Грозный адмиралъ «поступалъ согласно понятіямъ времени, и совѣсть его была спокойна. Служба требовала суровой муштровки, «лихихъ» матросовъ и беззавѣтнаго повиновенія, а жестокость была въ модѣ. Мать Станюковича представляла совершенную противоположность суровому супругу: тихая, кроткая, вѣжная, она вмѣстѣ съ тѣмъ была существомъ безвольнымъ, запуганнымъ. Дѣтей она любила горячо, мужа боготворила.

Въ такой обстановкѣ росъ юный Станюковичъ, запечатлѣвая въ памяти сцены домашней жизни, въ которой деспотизмъ отца заставлялъ трепетать всѣхъ членовъ семьи, и частые разговоры о неистовыхъ наказаніяхъ линьками, о побѣгѣ какого-нибудь матроса, вынужденнаго къ этому безчеловѣчной, жестокой муштровкой, или даже о смерти жертвъ суровыхъ старыхъ порядковъ во флотѣ и т. п. Въ душѣ умнаго и наблюдательнаго ребенка просыпался какой-то смутный протестъ и противъ отцовскаго гнета, и противъ безчеловѣчности большинства окружавшихъ его моряковъ, служакъ николаевскаго времени. Дальнѣйшія обстоятельства его жизни только способствовали росту этого протеста, въ особенности, когда чтеніе сдѣлалось его любимымъ занятіемъ. Читать Станюковичъ научился довольно рано, занимаясь съ гувернанткой, которая учила его также языкамъ французскому и нѣмецкому. Кромѣ того съ нимъ занимался, отбывавшій въ Севастополь наказаніе въ солдатской службѣ, одинъ изъ осужденныхъ по дѣлу Петрашевскаго — Ипполитъ Николаевичъ Дебу. При всей суровости тогдашняго времени, мѣстное начальство относилось къ Дебу очень снисходительно. «Моряки, казалось, не умѣли быть жестокими преслѣдователями и безъ того наказаннаго человѣка». Ему разрѣшали, въ службѣ, носить партикулярное платье и давать уроки во многихъ домахъ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ. Станюковичъ сохранилъ самыя благодарныя воспоминанія о своемъ учителѣ, замѣчательно добромъ, сердечномъ человѣкѣ, прихода котораго онъ всегда ожидалъ съ нетерпѣніемъ. По словамъ Станюковича, «онъ какъ-то умѣлъ заставлять учиться, и уроки его были положительнымъ удовольствіемъ для ученика. Довольно было сказать И. Н. Дебу одно лишь слово: «стыдно», чтобы заставить меня горько сокрушаться о неприготовленномъ урокѣ и просить его не сердиться. Я не только любилъ его, но былъ, такъ сказать, влюбленъ въ своего учителя». Съ началомъ крымской кампаніи, когда непріятельскія войска высадились у Евпаторіи, Дебу долженъ былъ находиться въ строю, и его уроки прекратились.

Тринадцать лѣтъ Станюковичъ былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ, но пробылъ въ немъ всего полтора года и 5-го ноября 1857 года былъ переведенъ въ морской кадетскій корпусъ, послѣ двухмѣсячной подготовки изъ математики съ однимъ штурманскимъ офицеромъ. Свою корпусную жизнь Станюковичъ довольно подробно описываетъ въ очеркѣ «Маленькіе моряки», касаясь и порядковъ заведенія, и состава преподавателей. Хотя послѣ поступления Станюковича уже, такъ сказать, вѣдало шести-

десятыми годами и началось обновленіе въ морскомъ вѣдомствѣ, но въ морскомъ корпусѣ еще царили традиціи николаевского времени, сохранились и старыя, отжившіе преподаватели и воспитатели, и чисто патріархальная грубость нравовъ. Тѣмъ не менѣе новыя вѣянія такъ или иначе ощущались. Нѣкоторымъ отраженіемъ ихъ явился въ корпусѣ преподаватель русскаго языка и словесности Федоръ Акимовичъ Дозе. «Словно вешняя душистая струя свѣжаго воздуха, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Станюковичъ:— ворвалась въ классъ, и чѣмъ-то новымъ, хрѣшнимъ, возбуждающимъ пахнуло на огрубѣлыхъ кадетъ, благодаря этому учителю, приглашенному начальствомъ, вѣроятно, для оживленія учительскаго персонала». До него кадеты были знакомы съ произведеніями Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова и Пушкина, да и то въ самой незначительной степени. Дозе познакомилъ ихъ основательнѣе съ Пушкинымъ и впервые съ Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, съ «Бѣдными людьми» Достоевскаго. Онъ объяснялъ смыслъ и характеръ произведеній этихъ писателей, и, «благодаря ему, кадеты впервые услышали горячее, живое слово объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о возвышающемъ значеніи литературы, объ ея задачахъ и идеалахъ и громадной важности подготовлявшагося освобожденія крестьянъ... Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ пробудилъ юношей, заставилъ работать дремавшій мозгъ, заронилъ добрыя сѣмена и старался развить литературный вкусъ, пріохочивая къ хорошему чтенію». Хорошія воспоминанія сохранилъ Станюковичъ и о М. И. Сухомлиновѣ (впоследствии—академикѣ), преподававшемъ словесность въ старшихъ классахъ послѣ Дозе; преподавалъ онъ недолго и ушелъ изъ корпуса, кажется, не по своей волѣ. Въ корпусѣ Станюковичъ много читалъ и безъ всякаго разбора, не выключая и современныхъ журналовъ. Книгами его свѣдалъ, между прочимъ, и корпусный законоучитель, священникъ В. Ѳ. Березинъ, человѣкъ умный, образованный, развитой. Однажды въ классѣ онъ засталъ Станюковича за чтеніемъ какой-то критической статьи въ «Современникѣ». Въ книжкѣ оказался и листокъ со стихотвореніемъ Константина Михайловича, стихотвореніемъ, обличавшимъ корпусное начальство. Священникъ не только возвратилъ кадету и книжку, и стихи, но и пригласилъ къ себѣ. И съ этого времени между «батюшкой» и кадетомъ установились дружественныя отношенія; во время посѣщеній Станюковича отецъ Березинъ, принимавшій его очень радушно, вполне снисходительно слушалъ разсужденія своего ученика о прочитанныхъ книгахъ, давалъ ему совѣты, поощрялъ его стремленіе къ развитію, влеченіе къ литературѣ.

Во время установленнаго лѣтняго плаванія, Станюковичъ, будучи старшимъ гардемаринномъ, попалъ на корабль «Орель» и на немъ сдѣлалъ двухмѣсячную кампанію, во время которой побывалъ въ Ревелѣ, Гельсингфорсѣ и Балтійскомъ морѣ и хорошо познакомился тамъ, какъ и другіе гардемарины, по его собственному признанію, «съ кюмедемъ, шведскимъ пуншемъ и финляндскою «сексою», а также воочию видѣлъ картины корабельной варварской дрессировки матросовъ съ порками посредствомъ веревочныхъ линьковъ,—о чемъ въ дѣтствѣ онъ слышалъ только рассказы. По отзывамъ товарищей, Станюковичъ отличался въ корпусѣ настойчивостью, твердостью, серьезностью и считался «литераторомъ». Онъ писалъ гладкіе стихи и вообще прекрасно владѣлъ перомъ. Одно изъ его стихотвореній даже попало въ печать. Оно называется «Старый солдатъ» и помещено въ 1859 г. въ журналѣ «Сѣверный Цѣтокъ», издаваемомъ роднымъ братомъ Станюковича, Александромъ Михайловичемъ. Чтобы дать понятіе, насколько юный шестнадцатилѣтній поэтъ владѣлъ формой, приводимъ нѣсколько строфъ изъ названнаго стихотворенія:

День денской бѣднякъ шатался,
Отставной солдатъ,
Поданіемъ пытался,
Жизни былъ не радъ...
«Что не сходишь ты въ столицу,—
Каждый говорилъ,—
Помѣстятъ бы въ больницу,
Ты бы не ходилъ!»
«Эхъ! не долго же придется
Мнѣ на свѣтѣ жить,
Скоро мѣсто мнѣ найдется:
Кончу я ходить!
Старъ! А хочется подраться,
Штыкъ ужъ мнѣ не брать!..»
И пойдетъ опять шататься
Отставной солдатъ!

Незадолго до выпуска, Станюковичъ, подъ вліяніемъ чтенія и новаго духа того времени, намѣревался поступить въ университетъ. Онъ долженъ былъ просить на это позволенія у своего суроваго отца. Ему такъ хотѣлось серьезно учиться, стать полезнымъ родивъ человѣкомъ, что онъ отважился предстать передъ «грозынымъ адмираломъ». Произошла тяжелая, полная трагизма, сцена. Отецъ желалъ, чтобы сынъ, также какъ дѣдъ и онъ самъ, былъ морякомъ и чтобы фамилія Станюковичей не исчезла изъ списковъ флота послѣ его смерти, а потому, конечно, патрѣзъ отказалъ сыну. И не только, со страшнымъ гнѣвомъ, отказалъ,

но и рѣшилъ «выбить дурь изъ головы» заразившагося либеральнымъ духомъ сына. Съ этой цѣлью «грозный адмиралъ» немедленно отправился къ морскому министру и просилъ его назначить сына на корветъ, отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе. До выпуска въ офицеры Станюковичу оставалось всего полгода, но онъ оставилъ, по волѣ отца, корпусъ и 18 октября 1860 года отправился на винтовомъ корветѣ «Калевала», построенномъ въ Финляндіи, изъ Кронштадта въ море. Такимъ образомъ, экзаменъ пришлось ему держать не въ корпусѣ, а въ Печилійскомъ заливѣ, на эскадрѣ передъ экзаменной комиссіей моряковъ.

Межъ тѣмъ, литературныя занятія Станюковича шли своимъ чередомъ. Онъ усиленно писалъ стихи, и до своего отъѣзда, въ теченіе 1860 года, напечаталъ въ «Сѣверномъ Цвѣтѣ» семь пьесъ: «Ты, бывало, гордилась красою», «Я ласкалъ ея кудри прелестныя», «На кладбищѣ», «Миньона», «Два голоса», «Ты гордости полна стояла предо мною» и «Изъ Шевченко». Вотъ одна изъ пьесъ, характеризующая его тогдашнюю юную музу:

Ты, бывало, гордилась красою
И всегда такъ была весела,
А теперь!.. Расскажи, что съ тобою,
Что хорошаго въ жизни нашла?
Не мечтаю о жизни тщеславной,
Ты, какъ лилія, дома цвѣла,
Такъ зачѣмъ же продажей безславной
Ты себя старику отдала?
И съ тѣхъ поръ ты скучна и уныла,
Ужъ не можешь ты радостей знать,
И печаль твой румянецъ сокрыла,
Ты должна все страдать и страдать.
Жизнь пустая тебѣ надѣла,
Ты любовью хотѣла бы жить...
Какъ сперва ты любить не умѣла,
Такъ теперь ты не въ силахъ любить...

Корветъ «Калевала», на которомъ находился Станюковичъ, слѣдовалъ къ устьямъ рѣки Амура. По прибытіи во Владивостокъ, юный морякъ заболѣлъ и пробылъ въ мѣтномъ лазаретѣ болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ. По выпискѣ изъ него онъ поступилъ на винтовой транспортъ «Японецъ» и плавалъ на немъ въ китайскихъ водахъ съ самаго начала ноября 1861 г. по 15 апрѣля 1862 г. Затѣмъ, короткое время онъ былъ на шхунѣ «Пурга», ходившей изъ Владивостока въ заливъ Де-Кастри, и въ среднихъ числахъ іюня 1862 г. переведенъ на клиперъ «Абрекъ», плававшій въ китайскихъ водахъ и Тихомъ океанѣ. На немъ онъ пробылъ до 11 января 1863 года, послѣ чего былъ ~~оправленъ~~ назначенъ начальникомъ эскадры Тихаго океана въ Кохингину,

въ городъ Сайгонъ, для поступленія на винтовой клиперъ «Гайдамакъ», плававшій у береговъ Китая, Японіи и рѣки Амура.

Въ это время, въ оставленной Станюковичемъ Россіи, кипѣла преобразовательная дѣятельность. Видное участіе принималъ въ ней и великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ въ то время былъ молодымъ генераль-адъютантомъ, председателемъ Императорскаго русскаго географическаго общества, и сравнительно въ короткій періодъ успѣлъ провести довольно важныя реформы во флотъ и морскомъ вѣдомствѣ. Реформы коснулись и органа этого вѣдомства—«Морского Сборника», который изъ сухого спеціальнаго изданія превратился въ живой, современный журналъ, ставшій разрабатывать разные, болѣе или менѣе жгучіе, вопросы, волновавшіе тогда наше общество. Вспомнимъ, что въ этомъ изданіи нашли себѣ мѣсто статьи Пирогова «Вопросы жизни», «Школа и жизнь» и друг. Въ «Морской Сборникъ» послалъ и Станюковичъ свою замѣтку «Мысли по поводу глуповцевъ г. Щедрина» и свой первый очеркъ изъ морской жизни «Жизнь въ тропикахъ». Замѣтка напечатана въ 1862 году, а очеркъ въ 1863 г., и съ этого момента начинается литературная карьера Константина Михайловича.

Съ 10 іюня по 4 августа 1863 г. онъ плавалъ снова на клиперѣ «Абревъ», ходившемъ отъ устья Амура до Шанхая, и, наконецъ, былъ посланъ начальникомъ тихоокеанской эскадры съ депешами въ Петербургъ, къ генераль-адмиралу и управляющему морскимъ министерствомъ. Это было сдѣлано для того, чтобъ, въ уваженіе къ заслугамъ его отца, дать молодому моряку движеніе по службѣ. Ему предстояла блестящая карьера, которая прельстила бы многихъ на мѣстѣ Станюковича. Но онъ былъ не изъ такихъ людей. Мишурный блескъ не прельщалъ его, и въ двадцать лѣтъ съ небольшимъ онъ уже исповѣдывалъ идеи эпохи Возрожденія и жаждалъ болѣе скромной, но болѣе плодотворной дѣятельности, въ которую могъ бы вложить и умъ, и дарованія, и всѣ силы, и которая помогла бы ему провести въ жизнь свѣтлые идеалы свободы, равенства, братства. Подъ вліяніемъ осмысленнаго чтенія, подъ впечатлѣніемъ встрѣчъ, знакомствъ и бесѣдъ съ людьми, глубоко сочувствовавшими освободительному движенію шестидесятыхъ годовъ, Станюковичъ еще въ корпусѣ проникся этими идеалами, и съ теченіемъ времени они только ширились и крѣпли въ немъ. Испробовавъ свои силы въ литературѣ, увидѣвъ, что онъ можетъ, умѣетъ писать, Станюковичъ уже не задумывался надъ выборомъ дороги. Онъ понималъ, что поприще писателя повито терніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря словами поэта,— «это многихъ славныхъ пути!» Ему казалось, однако, что за-

нятія литературой несовмѣстимы съ его службой, къ которой онъ, тѣмъ болѣе, не чувствовалъ никакаго призванія... Задумавъ выйти въ отставку, Станюковичъ вроспалъ разрѣшенія у отца, такъ какъ безъ согласія послѣдняго начальство не соглашалось уволить молодого моряка. Отецъ оставилъ, письмо сына безъ всякаго отвѣта. Тогда Станюковичъ, унаследовавшій отъ отца настойчивость, твердость и энергію, вторично написалъ «грозному адмиралу», что если онъ не дастъ разрѣшенія, то Станюковичъ устроитъ такъ, что его исключать изъ службы. И непреклонная воля сына заставила «грознаго адмирала» уступить. Онъ писалъ ему: «Повора не желаю и противъ вѣтра плыть не могу... Выходи въ отставку и забудь отнынѣ, что ты мой сынъ!» И мичманъ 11-го флотскаго экипажа Константинъ Станюковичъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ чинъ лейтенанта... и предоставленъ самому себѣ въ борьбѣ съ жизнью.

Получивъ свободу, Станюковичъ съ большимъ рвеніемъ отдался литературѣ. Онъ напечаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Эпохѣ», и другихъ изданіяхъ свои очерки изъ кругосвѣтнаго плаванія и изъ морского быта — впечатлѣнія его поѣзди въ Кохинхину, на Мадеру и острова Зеленаго мыса и проч. Но этимъ онъ пока и исчерпалъ свои морскія впечатлѣнія, «не находя себя», не чувствуя своего настоящаго призванія въ литературѣ. Онъ, что называется, началъ разбрасываться, размѣниваться на мелочи, изъ-за куска насущнаго хлѣба. Онъ писалъ юмористическіе очерки, стихи, рассказы, отчеты о драматическихъ и балетныхъ спектакляхъ, сотрудничалъ въ «Голосѣ», «Петербургскомъ Листѣ», «Русской Сценѣ», «Будильникѣ» и другихъ изданіяхъ, большей частью подписываясь различными псевдонимами. Въ это время онъ уже приобрѣлъ довольно обширныя знакомства въ литературныхъ кружкахъ, и подъ ихъ вліяніемъ задумалъ поближе познакомиться съ народомъ. «Хожденіе въ народъ» молодежи тогда было особенно въ модѣ. Потянуло въ деревню, къ черноземной силѣ, и Станюковича. Онъ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ селѣ Чаадаевѣ, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Село это было очень бѣдное, мужики все малоземельные; они ходили, главнымъ образомъ, въ городъ на заработки и выручали мало, и новопеченному сельскому учителю пришлось увидѣть самую крайнюю бѣдность и безотрадное существованіе. Ученики любили своего учителя и всячески оказывали ему вниманіе. «Иногда, — рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ сельскаго учителя» Станюковичъ: — крынку молока несетъ мальчуга и обижается,

если откажешься». Учился дѣти съ большой охотой и удовольствіемъ. За то не мало было хлопотъ съ отцами. Дѣтей, желающихъ ходить въ школу, было много, но не всегда пускали ихъ въ школу. «Что это вы Ваньку-то въ училище не пускаете?» — спрашивалъ Станюковичъ у однихъ родителей. — «Глупенекъ еще, родимый, — отвѣчали учителю. — Маль... Куда ему... Да и — не въ гнѣвъ тебѣ будь сказано, — батюшко баилъ, что ты по неалтырю не вучишь... Такъ какое же это будетъ ученіе? И опять: сказываютъ — ты безъ розги вучишь! А нешто безъ розги вучать?..» Приходилось учителю быть свидѣтелемъ семейныхъ драмъ и безчинствъ и урезонивать пьяныхъ, озвѣрѣвшихъ мужиковъ. Словомъ, не легко ему было тянуть ляжку сельскаго учителя въ безпросвѣтной глуши. Въ концѣ-концовъ, онъ бросилъ это мѣсто и, пробывъ на немъ съ 1865 по 1866 годъ, вернулся въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году женился на Любови Николаевнѣ Арцеуловой, прекрасной музыкантшѣ, окончившей курсъ въ санктпетербургской консерваторіи. Въ женѣ онъ приобрѣлъ нѣжнаго, вѣрнѣйшаго друга, огромную нравственную опору. Она до конца жизни писателя берегла и дѣлала его, бодро неся тѣ невзгоды, которыя выпали на долю Константина Михайловича въ его тяжелой, трудовой жизни.

Ставъ семейнымъ человѣкомъ, онъ принужденъ былъ, конечно, работать съ удвоенной энергіей, не покладая рукъ. Писалъ онъ съ необычайной быстротой, почти безъ всякихъ поправокъ, на срокъ, на спѣхъ. Объ отдѣлкѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Онъ поставялъ рассказы чуть не для каждаго номера «Петербургскаго Листка» въ теченіе полутора года, вѣлъ фельетонные наброски въ этой же газетѣ, въ «Женскомъ Вѣстникѣ», «Гласномъ Судѣ», «Новомъ Русскомъ Базарѣ» и другихъ изданіяхъ. Несмотря на всю снѣжность работы, онъ успѣлъ выработать стиль, быть оригинальнымъ, живымъ, бойкимъ фельетонистомъ. Онъ умѣлъ, хотя и скользилъ по поверхности жизни, уловить характерныя черты современныхъ теченій, проявилъ много наблюдательности и въ особенности щеголялъ правдивымъ, мѣткимъ изображеніемъ повседневной житейской пошлости и незамысловатыхъ душевныхъ побужденій человѣка. Онъ все больше и больше узнавалъ людей въ разныхъ слояхъ общества и приходилъ къ далеко не утѣшительнымъ выводамъ. Нескрываемая насмѣшка, злая иронія на ряду съ юморомъ невольно бросаются въ глаза въ разсказахъ и очеркахъ, написанныхъ имъ въ молодые годы. На нихъ лежитъ печать нѣкотораго пессимизма, который по счастью не успѣлъ развиваться, уступивъ много мѣста вѣрѣ въ лучшее грядущее, вѣрѣ въ человѣка. Но

сатирическое отношеніе къ дѣйствительности, къ взаимнымъ человѣческимъ отношеніямъ осталось у него навсегда, также, какъ и пониманіе многихъ сторонъ человѣческаго сердца, которое съ теченіемъ времени сдѣлалось нѣсколько глубже. Темные, грязные уголки души человѣческой не ускользали отъ его наблюдений, и немудрено, что его рѣчь нерѣдко дышитъ горечью и злостью, что отъ нея вѣетъ презрѣніемъ къ человѣку. Это презрѣніе и ядовитая насмѣшка по отношенію къ людямъ не исчезаютъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Станюковича, но зато въ значительной степени искупаются оттѣнками задушевности, печали и искренней скорби. Станюковичъ не былъ глубокимъ психологомъ. Онъ не изучалъ всесторонне человѣческую душу и довольствовался лишь тѣмъ немногимъ, что легко бросалось ему въ глаза. «Когда кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ, — рассказываетъ одна изъ близко знавшихъ Станюковича писательницъ: — не иначе обращались къ нему, какъ «ваше сіятельство», «ваше превосходительство», онъ саркастически улыбался и съ злой насмѣшкой подмигивалъ пріятелю. И по уходѣ кондуктора пояснялъ свою миимику словами: «Даль рубль—ну, и величаетъ! За рубль можеть отца продать, не только обозвать «превосходительствомъ» или подъ руку въ вагонъ посадить... Скучно, когда всю эту несложную человѣческую душу знаешь, какъ свои пять пальцевъ». Но это знаніе человѣческой психологіи, которымъ гордился писатель, было довольно поверхностное, мнимое, и этимъ объясняется то, что самыя выдающіяся его произведенія теряли отъ слабой попытки писателя обрисовать психологическую сторону его героевъ. Невозможность вдумываться въ свои произведенія, при крайней спѣшности быстрой работы, пріучила Станюковича къ чисто фельетонной работѣ, къ фельетонной манерѣ, и отъ этого онъ уже никогда не могъ вполне отдѣлаться даже въ своихъ большихъ романахъ, имѣющихъ несомнѣнное публицистическое значеніе, и большой интересъ по темамъ, въ нихъ затронутымъ, по умѣлому освѣщенію общественныхъ явленій.

Несмотря на свой усидчивый литературный трудъ, Станюковичъ порядкомъ нуждался и вынужденъ былъ все-таки искать занятій внѣ литературы. Въ 1870 году онъ поступилъ на службу въ управленіе Курско-Харьковской желѣзной дороги. Эта служба ему достаточно претила, такъ какъ ему пришлось невольно познакомиться съ закулисной стороной дѣла, увидѣть воочию взяточничество, казнокрадство, обчитываніе рабочихъ и тому подобныя «инженерскія» прелести. Собравъ здѣсь богатый матеріалъ, который онъ вскорѣ использовалъ отчасти въ своемъ драматическомъ произведеніи «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ»,